

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

СЛАВЯНСКИЙ ВИТЯЗЬ ИЗ СЁМЖИ

Моему северному другу, помору из древнего села Сёмжа, моряку, прирождённому лидеру Виталию Маслову в сентябре бы исполнилось 80 лет. Мог бы и дожить. Не получилось. Но живут его книги прозы, живёт и будет жить возрождённый им в России праздник “Дни славянской письменности”. Живёт память о нём на всём русском Севере.

Виталий Семёнович Маслов родился 1 сентября 1935 года в славной своей древней историей, но ныне уже исчезнувшей деревне Сёмжа Мезенского района Архангельской области, на Канинском берегу Белого моря. Там же закончил начальную школу, затем – школу-семилетку в посёлке Каменка того же района. С 1951 по 1956 год учился в Ленинградском мореходном училище на радиотехническом отделении, по окончании которого получил направление на работу сначала на Дальний Восток, а затем – в Сахалинское морское пароходство, где ходил электронавигатором на судах “Большерецк”, “Будёновск”, “Азов”. Кстати, там же на Дальнем Востоке, в 1957 году опубликовал он свой первый рассказ во владивостокском альманахе.

Потом перевёлся на свой любимый Север, и уже с 1962 года в течение 20 лет ходил радистом и начальником радиостанции на легендарном атомном ледоколе “Ленин”, работал в Китае, участвовал в 13-й Антарктической экспедиции на теплоходе “Обь”.

Казалось бы, если у моряка появились литературные способности, вот и писать ему положено, как и его большому другу Виктору Конечкому, на морскую тематику. Не так уж много у нас первоклассных маринистов! Тем более, что и приключений за годы плаваний хватало с избытком. Не раз его упрекали за “молчание” друзья-моряки – читателей морских приключений у нас хватает. Но Виталия Маслова в эту сторону не тянуло. Он изболелся весь по своей умирающей деревне Сёмжа, по вымирающему деревенскому миру.

Умια приезжал к своему другу: сначала поездом до Архангельска, потом самолётиком до Мезени, а потом уже на вездеходе до родной масловской Сёмжи.

И я понял, почему боль за Сёмжу заслонила писателю Маслову все остальные замыслы. Прекрасное древнее поморское село на самом берегу Белого моря. Десятки выстроенных в ряд огромных двухэтажных деревенских домов, в каждом из которых ещё и конюшня, хозяйственные пристройки – в лютые зимы на дворе особо не похозяйничаешь. Таких деревень я не видел ни на Украине с её крохотными мазанками, ни в нашей центральной России, где максимум один дом кулака-мироеда отличался своими размерами. А в Сёмже хоть всех сразу раскулачивай – ни батраков, ни бедняков, никакого крепостного права, никаких помещиков, простор до самого Северного полюса. И до царя далеко, и до чиновников разных. Более независимых людей,

чем поморы, в России не было. Они боролись скорее с морем, с холодом, с ветрами.

И почему все эти уникальные поморские деревни в России вымерли? Кому это надо было? По крайней мере, выходцы из поморов и сейчас отличаются независимостью, самостоятельным мышлением. Что Виталий Маслов, что Фёдор Абрамов, что Владимир Личутин.

Мы ходили с Виталиком Масловым по берегам Белого моря и размышляли о сложной судьбе России... Всю жизнь он плавал по морям-океанам, а думал о судьбе русского крестьянства. Такова судьба.

Бывал я у него и в мурманском доме, в самые знаменательные дни 1986 года, когда Виталий собрал вокруг себя в Мурманске всех лучших писателей России, от Владимира Крупина до Юрия Кузнецова, от Владимира Личутина до Валентина Устинова, дружину сильных, дабы, несмотря на всё сопротивление властей, провести впервые в Советском Союзе Дни славянской письменности в честь святых Кирилла и Мефодия. Сейчас и понять невозможно, что мешало советской власти отмечать этот славянский праздник, который спокойно уже двести лет праздновали в Болгарии? Чего они боялись? Почему в самой России власти больше всего всегда боятся русских? Так было и так есть. И что только не делал Виталий Маслов, чтобы суметь организовать этот праздник, замаскировав его под "Дни Баренцева моря"! Даже призвал на помощь братушек-болгар. Пытались его ранее организовать и в Москве, и с более именитыми и могущественными людьми, но было им категорически запрещено.

Помору из Сёмжи Виталию Маслову этот праздник удался на славу! В следующем году его организовали в Вологде, потом в Новгороде, в Киеве, в Минске... Благодаря Виталию Семёновичу в Мурманске в 1990 году появился и памятник Кириллу и Мефодию, а спустя год праздник, который он с друзьями с таким трудом "пробивал" в столице Кольского Севера, стал государственным.

Сегодня его отмечают наши официальные власти, не вспоминая ни про Виталия Маслова, ни про былые запреты. Кстати, так же было и с установкой памятника Сергию Радонежскому работы Вячеслава Клыкова в Радонеже: в первый раз собравшихся на открытие разогнали с милицией. А сейчас он стоит себе напротив храма и никому не мешает.

Но всегда нужны решительные русские люди, проламывающие все чиновные и русофобские преграды.

Вот таким и был Виталий Семёнович Маслов, крутой русский помор, радист с атомохода "Ленин" и замечательный русский писатель. Он из тех, кто не боится идти впереди.

24 мая 1986 года в заполярный город Мурманск на первый Праздник славянской письменности приехали члены Союза писателей России: Владимир Крупин, Владимир Личутин, Юрий Кузнецов, Юрий Медведев, Владимир Санги, Владимир Бондаренко, Валентин Устинов, Вячеслав Шапошников, Владимир Шириков, Геннадий Юшков и Семён Шуртаков. Приветственные телеграммы в адрес возрождённого праздника прислали Валентин Распутин, Василий Белов, Дмитрий Балашов.

Мы вели уроки литературы в школах, выступали на митингах, ездили на кораблях. И с нами всегда были первоучителя славянские Кирилл и Мефодий.

Кроме таких общероссийских, общеславянских мероприятий, организованных Виталием Масловым (вспомним и его Международный православный славянский ход Мурманск-Черногория, проведённый в 1997 году), он никогда не забывал и "малые дела", связанные с его родной Сёмжей. Впрочем, это и не были для него "малые дела". В родной Сёмже он создал Дом Памяти, куда собрал данные о всех бывших жителях деревни. Он мечтал о возрождении деревни, возрождении русского поморства. Работая на суперсовременном гигантском ледоколе, он мечтал, что такими же мощными и живыми должны вновь стать опустевшие северные деревни. Но понимал, что реально его Сёмжа скоро "сравняется с землёю..." В этом Доме Памяти Виталий Маслов собрал имена жителей деревни – 50 сёмженских родов, до 9 поколений в каждом (1984).

Его старший друг Семён Иванович Шуртаков вспоминал о Виталии: "Неисповедимы, ещё раз повторим, пути человека, приходящих на эту грешную землю. Незнаемо, никому не ведомо, что им Свыше Начертано совершить в этом мире. Но вот один громкую шумную жизнь прожил, много сам о себе всяких похвальных слов наговорил и других заставлял это делать, а не стало его – никто не пригорюнился, никто не вспоминает, будто его и вовсе не

было. Другой же всю жизнь тихо, незаметно творил добрые дела людям, но когда и его не стало — все скорбно завздыхали, а многие и заплакали, и все и по сей день самыми похвальными словами вспоминают его...

Никто, как и сам Виталий Маслов, не знал и не мог знать, что ему предначертано совершить в своей жизни. А и так можно сказать, что не очень-то он и задумывался над этим. Он просто занимался важным, нужным для людей и для своей Родины делом: когда у кого-то из его соотечественников, находившихся далеко друг от друга, скажем, один в Арктике, а другой в Антарктике, возникала необходимость перемолвиться по делу государственной важности, радист атомного ледокола, который в это время огибал Мыс Доброй Надежды, такую возможность им предоставлял...

А ещё этот радист в свободные от вахты часы писал рассказы, повести, романы, лейтмотивом и главным содержанием коих было горячее признание в любви к земле, на которой он родился и вырос, к её замечательным людям — своим сотоварищам.

Много и других добрых дел за свою жизнь успел он сотворить. И, однако же, если кто-то будет подводить последний, конечный итог славным деяниям Виталия Маслова, то самым главным, несомненно, он посчитает Праздник Слова.

Василий Шукшин свой сценарий фильма о Разине, который он не успел поставить, как известно, назвал “Я пришёл дать вам волю”.

Ничего плохого, думается, не было бы для определения главного жизненного дела Виталия Маслова, если бы мы взяли формулу Шукшина, лишь чуть-чуть её переиначив: “Я дал вам Праздник Слова”.

Володя Личутин писал, что “писатель Виталий Маслов рождён обострённой тоскою по исчезнувшей деревне Сёмже, его малой родине... Печаль не столько оттого, что деревенька канула, рассыпалась, но более оттого, что её насильно умертвили, растащили, принудили умереть...”

Так и появились рассказы “Северная бьль”, “Крутая Дресва” (1970-е), а затем и лучший его роман “Круговая порука” (1976), посвящённые его родной Сёмже, оставленной его жителями на погибель. Его архангельский земляк, критик Шамиль Галимов писал о герое “Круговой поруки”: “Своей обостренной совестливостью и жаждой правды Митька напоминает Михаила Пряслина, их нравственный максимализм питается общими истоками — чувством коллективной пользы, ощущением боли народной...” И впрямь, Фёдор Абрамов был главным учителем Виталия в литературе. А повесть абрамовская “Две зимы и три лета” дала мощный рывок прозе Маслова: “Вместе с Михаилом Пряслиным я человеком себя почувствовал... Вот что для меня — Фёдор Абрамов!”

Когда возникли проблемы с публикацией его романа “Круговая порука”, академик Александр Овчаренко написал свой внутренний отзыв, тем самым сняв саму возможность запрета...

“...Как писателя, Виталия Маслова чуть-чуть придавливает Фёдор Абрамов и, в особенности, Василий Шукшин. Для меня, однако, бесспорно, что, когда он вырвется из-под их влияния и обретёт чувство меры в языке (пока он перенасыщает рассказы “местными речениями” и не очень благозвучными словами, вроде “лёщади”, всерьёз доказывает правомерность в литературном отборе слова “блядионил” и т. п.), советская литература пополнится превосходным писателем. Пополнится, если... если мы не испортим его чрезмерными похвалами, подобными тем, что содержится в рецензиях Виктора Конечкого и Семёна Шуртакова...”

Виталий Маслов талантлив, но не очень внимательно вслушивается в свой талант. Будь иначе, он давал бы возможность своим героям быть самими собой. Впрочем, на размашистые заключения горазд и сам автор (см. стр. 117 и др.), не замечая, что они ослабляют художественную силу его произведений. Хотелось бы, чтобы автор задумался над сомнениями рецензентов... Мне кажется, обрадованные тем, что встретились с по-настоящему талантливым молодым писателем, рецензенты несколько сбили с толку и самого автора, и его редактора... Не часто нам приходится читать столь талантливые произведения. Проявим же к их автору бережливость, но и его попросим отнестись к замечаниям рецензентов с уважением и пониманием.

А. И. Овчаренко

1.06.1976 г<ода>”.

По рекомендации писателей В. Белова, С. Панкратова, В. Конечкого за этот роман в 1978 Маслов был принят в Союз писателей СССР. Вслед за “Круговой порукой” он написал повесть “Из рук в руки” (1979), романы “Внутренний рынок” (1986), “Проклятой памяти” (1988). И все они были посвящены

всё той же Дресве, то есть Сёмже. В романах и повестях прописывались все варианты её возможного возрождения, но всё впустую! Радиоинженер Маслов прекрасно понимал, что по всей России приходит конец дресвянской сказке, и не хотел излишней идеализации.

Прекрасный человек, высококлассный и востребованный специалист, сёмьянин, блестящий организатор всероссийских акций, уходя в прозу, погружается в апатию. Что делать: бороться незаконными способами, отстреливать браконьеров, как это делает Герман Попов в повести “Проклятой памяти”? Но к чему приведут такие народные мстители? Тут мы вспоминаем и повесть Валентина Распутина “Дочь Ивана, мать Ивана”, и другие подобные кардинальные предложения. Нет, с оружием в руках ни вчера, ни сегодня ничего не изменишь. Приморских партизан безжалостно уничтожат и в жизни, и в литературе. Борцов за русский народ и русскую культуру и будут уничтожать у нас же в России те же русские чиновники первым делом.

К первоклассной прозе примыкает и пламенная публицистика на ту же тему, объединённая в книги “Ещё живые” (1986) и “На костре моего греха: проповеди и исповеди” (1991). В целом, Виталий Маслов написал не так уж много, мешала наполненность жизни другими делами, но и то, что написано о северной поморской деревне, написано надолго и всерьёз. И без всяких иллюзий. И потому он безоговорочно поддерживал русских писателей-патриотов, подписал знаменитое письмо 74-х против уничтожения русской национальной культуры.

Мой коллега, критик Валентин Курбатов писал о его последней книге очерков и воспоминаний, что книга “глубока и серьёзна, драматична и естественна, и каждой своей страницей, и каждой темой... подтверждает, что для благодушия и покойной созерцательности времени уже нет, потому что... в бесконечной борьбе за “всеобщее счастье” мы уже перешли тот рубеж, за которым любое движение человечества вперёд должно быть заранее осмыслено и управляемо, иначе оно преступно...”

Всю свою прозу, за редким исключением, Виталий Маслов печатал в своём родном журнале “Север” у высоко ценимого им Дмитрия Гусарова. Изредка его произведения появлялись в московских журналах “Наш современник”, “Наше наследие”. Охотно печатался Виталий и у нас в газетах “День”, “Завтра” и “День литературы”. Когда приезжал в Москву, часто останавливался у меня. И мы до полуночи обсуждали все наши жизненные проблемы, решали, как жить дальше, как сохранить Россию?

Его друзья-радисты даже сохранили его радиостанцию, изредка выходят в эфир с помощью новой современной аппаратуры, таким образом отмечая и дни Виталия Маслова, и память о нашем первом атомном ледоколе. Кстати, и 75-летие Маслова отметили именно на борту атомного ледокола. О нём снят документальный фильм.

Скончался Виталий Семёнович в шестьдесят шесть лет в Мурманске в декабре 2001 года и похоронен, согласно завещанию, в родной деревне Сёмжа.

Он стал народным героем Мурманска, я рад, что на Литературной аллее в Мурманске установлен его памятник. Не каждому большому писателю оказано такое уважение.

Закончу свои заметки к юбилею друга сочинением его внука, школьника Ильи Маслова: “На одной из книжных полок стоят книги с родными для меня именем и фамилией: Виталий Маслов. Их автор – мой дедушка. Эти книги повествуют о жизни Мезенского района Архангельской области, земли, где он родился. Дедушка был моряком и писал в свободное время. Почти всю свою жизнь он проработал радистом на первом советском атомном ледоколе “Ленин”, связав свою жизнь с суровым Северным Ледовитым океаном. И одновременно был членом Союза писателей. В дедушкиной комнате много-много книг. Некоторым из них сотни лет. Они занимают две стены до потолка. Чтобы добраться до верхних книг, стояла стремянка, и вот я вставал на неё, представлял себя капитаном и смотрел в воображаемую морскую даль, а дедушка читал мне отрывок из сказки Пушкина: “Ветер весело шумит, судно весело бежит...” И я будто в самом деле вижу и эту страну, и остров Буян, чувствую, как ветер наполняет паруса над моей головой. Дедушкин живой и яркий образ остался в моей памяти и в памяти его друзей на всю жизнь потому, что такие люди не забываются и время не властно над ними”.

Вечная ему память. А мы всегда будем помнить о нём!